

МУДРОСТЬ ПОДЛОГО ОПЫТА

Неприкаянный призрак бродил по Европе, стучался во все двери, прикидывался овечкой, косил то под ученого в шелковой мантии, то под пророка, то под «капитального» благодетеля-освободителя, но нигде не был привечен, обласкан, никто не подал ему ни сантима, ни франка, никто...

Клацали замки, запоры, запирались наглухо ставни.

Призраку несказанно повезло: нашлись добрые, отзывчивые люди, щедро распахнули двери, окна, провели гостя к столу и усадили его во главе, признав за хозяина, за властителя своих мятущихся душ.

«В эпоху империализма социализм сможет победить первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране».

Аутсайдер, столетиями плетущийся в хвосте, вдруг, в двадцатом веке затрубил слонем и бросился сломя голову навстречу призраку, топча слоновьими ногами, затаптывая все, что попадалось под его иступленный бег. «Надо вязаться в драку, а там видно будет».

А ведь совсем недавно по историческим меркам (1792 г) французы провозгласили республику, приняли Декларацию прав человека и гражданина, заварили кашу на всю Европу, всех переполошили, перепугали своей непокорностью, вольным духом, не смирением к рабству.

В России же в это время с азиатской покорностью маршировали на плацу солдатики, а на полях вкалывали, наравне с молчаливым скотом, крепостные крестьяне.

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ».

Скажи им о Декларации прав человека и гражданина, глаза вытаращили бы, перекрестились, да, чего доброго, и ребра пересчитали. За ересь вольнодумскую, сатанинскую, что смущает благочестивого, православного прихожанина сельской церквушки, чей усердный лоб трудится по воскресным службам с извечным презрением к шишкам и тумакам.

Одни презирают рабство, другие презирают побои и унижения, с ликованием оголяются, подставляя под кнут изогнутые спины. «Бог терпел, и нам велел».

От языческих идолов открестились последними, да всех опередили, всю просвещенную Европу за пояс заткнули в постижении Духа Святого и исполнения заветов Божьих:

"*Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести*".

Совесь в покаянии отдохновения ищет. Находит ли?

Не расположенные к шуткам бородатые крутолобые мужи, со взором, исполненным огненной веры, вещают о тысячелетней истории, как о единственном возвышающем человеческом и христианском опыте, неизвестном другим племенам и народам.

С какой-то роковой неизбежностью последние становятся первыми во всем, что не прижилось, само усохло по другую сторону дальних и ближних рубежей, от чего осторожный ум европейца, разгадав таящуюся беду, отказался в страхе за будущее своих поколений.

Совесь в покаянии отдохновения ищет.

И находит:

«Мильоны - вас. Нас - тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы,
С раскосыми и жадными очами»!

Из книги Александра Яковлева «Сумерки»:

«В 16 веке Россия воевала 43 года, в 17-ом – 48 лет, в 18-ом – 56, в 19-ом – более 30».

БУМЕРАНГ

Что-то в призывах к коллективному покаянию есть декоративно-картинное, не естественное по природе и не представимое умозрительно. Одна на всех ответственность уничтожает ответственность индивидуальную, сваливая, обычно, всю вину на выбранного коллективом козла отпущения. Комфортный удобный выбор, к которому мы привыкли, который как-то нас всех устраивает. Пророки в своем отечестве, как известно, не в почете, да и никто не удостоит осмелившегося покуситься на общественный покой званием пророка. Выскочкой назовут, франкмасоном, агентом ЦРУ, предателем русского народа.

Все эти эпитеты лавиной обрушились на бывшего члена ЦК КПСС, идеолога Перестройки Александра Яковлева, лавина несется дальше...

Русые следопыты обрыскали все деревни на Ярославщине в поисках еврейских корней «злопыхателя», потому как русский, ну никак не мог стать демократом, это чисто «еврейские хохмы». Докопались до церковных книг, где черным по белу написано: родом из деревни Королево, по отцу Яковлевы происходили из крепостных крестьян ярославских помещиков Молчановых, по матери из крепостных крестьян помещиков Майковых. Плюнули да не смирились, так и гуляет молва по свету: из жидов.

В своей книге «Сумерки» Александр Яковлев доверительно признается читателю: «Земной мой путь завершается, а потому лукавые игры с историей и зигзагами собственной жизни мне ни к чему. Только вот не знаю, как успокоить душу свою».

Поверить ли в искренность слов партийного функционера или посмеяться над ним, позлословить? Да и, признаться, автор не всегда осторожен, повод к злословию на иных страницах сам любезно преподносит на блюдечке. В святая святых, в сталинскую номенклатуру вошел, как по пути заходят в дом знакомого, поманившего тебя пальцем: «Вызвали в обком партии, предложили поступить в Высшую партийную школу. Меня разбирало любопытство. Никогда в Москве не был. Поехал. Сдал экзамены».

Вот такая лапидарность, без утомительных подробностей. Любопытства ради определил себя на всю жизнь в партийные чиновники.

Но и то, верно, что к грамотным фронтовикам сверху приглядывались заинтересованно и пристрастно, «кадры решают все», да только с одной лишь грамотностью никого в тот избранный эшелон не пускали, еще кое-какими качествами надобно было понравиться зорким соколам ленинско-сталинской гвардии: готовностью исполнять и лишних вопросов не задавать.

Да и сам Яковлев, подытоживая, пишет об этом без обиняков: «Система стихийно, без каких либо руководящих директив продолжала и после Сталина работать как гигантский фильтр, пропуская наверх, как правило, людей покладистых и примерно одного умственного уровня. Произвол, самодурство, всевозможные патологии и откровенно криминальные наклонности, вера в насилие неизменно рядились именно в одежды так называемой принципиальности, решительности, дабы твердо противостоять «внутреннему и иноземному врагу».

Гигантский фильтр. Какое уж там любопытство...

Да только это ли главное в книге Александра Яковлева, да и в судьбе его? Да и стоило ли бы браться за этот материал, чтобы лишь повторить вослед за ненасытными патриотами:

франкмасон, агент ЦРУ, предатель русского народа?

Кто вдохновляется одной злобой, тому лучше не брать в руки перо – злоба саморазоблачительна: ум оскопляет, глупостью одаривает. Бумеранг.

ОЧЕВИДЕЦ

Ничто не сравнится с опытом очевидца. Ценность подлого опыта цены не имеет, подарок редкий, почти уникальный. Горд человек. А советский и в рубище горд, и в позоре, и к стенке ставил с гордостью, и страну покрывал колючей проволокой с гордостью, и с гордостью взирал на Запад из-за «железного занавеса», путая безбожно клетку с волей.

И теперь наследники советского чванства, одни на белом свете, бьются державно как будто над национальной идеей, а из всех щелей, из пробоин хлещет тухлая вода старых предрассудков, всем понятных, давно известных. Национальный морок.

Избавьте ближнего своего от судорог постыдной нужды, вот и вся идея.

Дождешься от такого покаяния...

Александр Яковлев в своей книге, при всех оговорках, пытается быть честным, пытается беспристрастно переварить прошлое, переварить собственный опыт, который, даже при его личной порядочности, не может быть никаким иным, как только подлым.

Нельзя остаться травоядным в стае волков.

Тем, как говорится, и интересен. Не так часто удается нам узнавать о былом из первых рук, чаще из третьих, пятых, десятых.

Секреты стерегут по-кащеевски зорко, архивы неприступны, отпускают правду по крохам, медицинской ложечкой, безопасной дозой. И наш автор не до всяких тайн допускался, не гляди, что из цековских, но по сравнению с нами, пешками да винтиками, ему, конечно, дозволялось знать поболее. И этим он тоже, безусловно, интересен.

И осмыслением нашей истории тоже интересен Александр Яковлев, потому что ум его не ленив, глаз наблюдателен, а ухо часто оказывалось там, где, зная последствия, его непременно лишили бы чувствительности каким-нибудь мало привлекательным, но эффективным способом.

Эта книга, «Сумерки», на мой взгляд, могла бы стать учебником по истории советского и постсоветского государства для учеников старших классов. Но нет никаких иллюзий – не станет. Долго еще не станет. А жаль, примерный урок был бы для молодежи: картинки вялотекущей дури, цинизма и пошлости.

Из книги Александра Яковлева:

«За день до своей смерти в июне 1937 г Якир посылает покаянное письмо Сталину с просьбой оставить ему жизнь. Резолюция следующая: «В мой архив. Подлец и проститутка. Сталин. Совершенно точное определение. Молотов. Мерзавец, сволочь и блядь – одна кара – смертная казнь. Каганович».

Старшекласников, думаю, сквернословием не смутишь, а из песни слов не выкинешь.

Из книги Александра Яковлева:

«Во Внуково Хрущева встречал Семичастный. Подрулил самолет, из которого вышел Хрущев и, как потом рассказывал Семичастный, спросил его:

- А где же все остальные бляди?»

Два крохотных фрагментика, но каким-то чудом создают законченные портреты не только личностей, но и времени: нелепого, недоразвитого, карикатурно-анекдотического, безумного. Кажется, «такого не может быть, потому что не может быть никогда».

Но было, было! Все было так и много хуже, отвратительней.

Давно изученное свойство памяти – касаясь прошлого волшебной палочкой, оно ужас превращает в сухую статистику. Убийство одного человека - это преступление, убийство миллионов - статистика. Лес рубят, щепки летят. Государство все, человек ничто. Винтик. Так и живем.

ЗАДАЧКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ

Я долго приглядывался к финнам, пытаюсь обнаружить в них счастливое превосходство над русскими, позволившее им без каких-то вулканических потрясений обустроить свою жизнь на зависть восточным соседям. Что у них устроено не так?

Руки золотые? Да и на Руси в умельцах-кудесниках никогда недостатка не было, и блоху подковать труда не составляло.

Череп иначе скроен? Иль на Руси умных голов меньше, чем в Финляндии? Бред...

Во всем они такие же, как русские, как все остальные. Также пиво пьют, также любят, также едят, также на работу идут.

Так в чем загадка? Где ответ?

Финны правильно выстроили систему, с умом, незаморенным идеологией, расставили механизмы, рычаги, связали между собой, запустили, конструкция заработала, конструкция стала САМОДОСТАТОЧНОЙ. Это нужно сделать один раз, дальше вступает автомат, дальше требуется лишь не допускать сбоев, вовремя нажимать кнопки.

Раб непродумен, нищий и голодный не способен к труду. Финны первым делом задушили бедность. Не русские, а финны воспользовались идеями П.А.Столыпина, о которых с тяжелым сердцем вспоминает в своей книге Александр Яковлев: «бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным».

Столыпин, вероятно, внимательно читал Гоголя, как позже читал его равнодушно автор книги «Сумерки», обратившийся к писателю, как нельзя кстати: «Во второй части «Мертвых душ» Костанжогло говорит: «Думают, как просветить мужика! Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится».

Сделали коллективным бездельником, а богатых и хороших отправили в Сибирь.

Не русские, первыми издавшие Декрет о земле, а финны отдали землю крестьянам в собственность. Русские до сих пор в Думе заседают.

Вот и ответ на эту нехитрую (для нормального мира) задачку.

Да только сомнение берет меня, что ответ сей устроит гордый ум русского патриота. Уж больно правдиво звучат печальные слова Александра Яковлева: «А нищету, лень и разгильдяйство мы любили и любим объяснять таинственными, до сих пор неразгаданными особенностями русского характера, присущими исключительно возвышенной русской душе».

Знакомо это мне, слишком хорошо знакомо. Отсюда и сомнения.

СРАЖЕНИЕ ПОД МЕСТЕЧКОМ ПЕРЕСТОЙКА

Из книги Александра Яковлева:

«На закупку зерна за рубежом тратились огромные суммы, в то же время советское сельское хозяйство хирело на глазах. Половина выращенного урожая гибла при уборке, перевозках и хранении. Руководство как бы этого не замечало и тратило тонны золота на покупку сельхозпродукции. Только в 1984 году, то есть за год до Перестройки, Советский Союз закупил на Западе более 45 миллионов тонн зерна и зернопродуктов, 484 тысячи тонн мяса, более одного миллиона тонн масла животного и растительного».

За год до Перестройки страна уже со всем своим народом уселась на нефтяную трубу, промышленное производство, станки, оборудование, технологии в сравнении с Западом отстали, как выразился один японский бизнесмен, «навсегда».

Из книги Александра Яковлева:

«СССР прозевал, проспал и пропил две технологические революции. Этому в решающей степени

способствовал еще Сталин, объявивший кибернетику «чуждой марксизму наукой».

Даже кремлевские консерваторы понимали, что долго труба не выдержит, что хочешь, не хочешь, а менять что-то надо. Способов оживить гибнущее хозяйство не знал и не понимал никто. За плечами был только опыт советской плановой экономики. Порочной и бессмысленной. Моя память хранит немало абсурдных историй, которые не могли случиться нигде, кроме как в нашем социалистическом отечестве, но все они, в сравнении с историями Яковлева, из другой оперы: если у меня рассказ идет об идиотизме директоров, начальников, прокуроров, то у Яковлева о первых лицах государства.

Как много, если не обо всем, свидетельствуют эти краткие зарисовки, «ягодные места», примеченные Александром Яковлевым.

«1954 г. Хрущев во Владивостоке. Заполняют сейнеры рыбой, но на берегу ее не принимают из-за нехватки перерабатывающих производств. Рыбу выбрасывают в море и снова ловят. Порой по четыре-пять раз. Хрущев кричал, угрожал, стучал кулаком по столу. «Вот оно, плановое хозяйство!» - бушевал Никита Сергеевич. Отчитал присутствующего здесь же Микояна, позвонил в Москву Маленкову, дал указание закупить оборудование для переработки рыбы, специальные корабли. Энергия лилась через край. Потом, вернувшись в Москву, я поинтересовался, что же было выполнено из его указаний. Оказалось, ничего, совсем ничего».

Увы, это не частный случай. Это советский стиль. Точно также будет строить «светлое будущее» Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев.

Немецкий кредит на модернизацию легкой и пищевой промышленности. Спустя время Горбачев задает нескромный вопрос заместителю Рыжкова Степану Ситаряну.

Из книги Александра Яковлева:

«Горбачев: где деньги?

- Не знаю, - ответил Ситарян.
- Но как ты сам-то думаешь?
- Думаю, что распределили по республикам, подкормили ВПК да заткнули некоторые дырки в экономике».

Из книги Александра Яковлева:

«Государственно-мафиозная структура в системе импорта зерна. Десятой доли золота, потраченного на закупку зерна, хватило бы на создание эффективной инфраструктуры сельского хозяйства, что привело бы к резкому сокращению потерь при уборке, перевозке, хранении и переработке сельхозпродукции.

Когда собственность ничья, а те, кто распоряжается ею, практически бесконтрольны, рождается уникальная, преступная структура, в которой мафия сращивается с государством. Точнее, само государство, чем дальше, тем больше превращается в мафию – и по методам деятельности, и по отношению к человеку, народу в целом. И даже по своей психологии».

Из книги Александра Яковлева:

«Высокими орденами награждали без разбору. Однажды я в порядке шутки внес в список награждаемых своего заместителя Георгия Смирнова за выращивание хмеля. Он любил хмельное. Получил орден Трудового Красного Знамени. Так вот и шалили. Никто из секретарей ЦК из этих списков никого не вычеркивал, ибо не знали, кто и кого вписал. Члены ПБ активно добавляли своих любимых холуев».

«Чернобыль. Разговор с Язовым, отправившим подразделение солдат на земляные работы:

- А где же нашли спецкостюмы, их, как докладывают, нет?
- Так без костюмов.
- Как же так можно, Дмитрий Тимофеевич?
- Они же солдаты, обязаны выполнять свой долг».

«Но беда, вечная беда России – царь царствует, чиновничество правит. Царь хочет, а бояре могут. Вечными язвами России были и остаются нищета и бесправие, бесправие и нищета. Нищета из-за отсутствия священной и неприкосновенной собственности, бесправие – из-за гипертрофированной запредельной значимости государства в общественной жизни. Нищета и бесправие – две стороны одной и той же медали. Эту медаль носили все народы, но русский – особенно броско, с веселым скоморошеством и веригами на ногах».

С сожалением смотрю я сегодня на тех, кто наивно полагает, будто Советский Союз порушил Горбачев, или Яковлев, или «три богатыря» в Беловежской пуще на почве похмельного синдрома.

Случилось самоубийственное разрушение, резервы организма исчерпались до доньшка: печень свернулась в трубочку, омертвели почки, окаменело сердце, рассыпался в прах мозг. Поздно пить боржоми, не нужной стала кислородная подушка. Приехали.

28 съезд КПСС. Текст доклада для Горбачева подготовил Яковлев. Фрагмент из доклада:

«Запущенность сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, она что, возникла вчера, после 1985 года? Плачевное состояние наших лесов, рек, миллионы гектаров затопленных плодородных земель в результате прежней политики в области энергетики – это что, деяния последних лет? Тяжелая экологическая ситуация – более ста городов в зоне бедствия, свыше тысячи остановленных из-за этого предприятий; драмы Байкала, Арала, Ладоги, Азова; Чернобыль и другие аварии, катастрофы на железных дорогах и газопроводах – разве все это не последствия политики, проводившейся в последние десятилетия? А разве структура экономики, в которой всего одна седьмая часть производственных фондов сосредоточена на выпуске товаров народного потребления, не сложилась еще в тридцатые годы?»

Под местечком Перестройка русский народ потерпел сокрушительное поражение. Бездарными и нерешительными оказались маршалы, не нашлось ни одного Суворова, ни одного Наполеона, только и додумались, что объявили рекламно-маразматическое «ускорение да курс на социализм с человеческим лицом». Победные лавры достались бандитам, которых ошибочно называют политиками и олигархами. Весь преступный смысл девяностых годов уместается в одно слово – «семья». Оно рождено не случайной фантазией острослова, оно напоззло на смутное время неизбежно и неотвратимо, как справедливый народный приговор. Увы, не судебный.

«Что это? Вера в фатализм справедливости? Романтизм? Неумение анализировать? Информационная нищета? Инерция сознания? Что-то еще? Не знаю», - признается растерянно Александр Яковлев. И, задумываясь, идет в своих рассуждениях дальше и делает страшный по своей сути вывод: «Я долго копался в самом себе, вспоминал многочисленные сомнения и разочарования, пока меня самого не ошарашил мой же вопрос, а были ли какие-то взгляды в их осмысленном виде?»

У нас, друзья, с самого начала не было шансов. Мы были обречены. За штурвалом нашего самолета сидели камикадзе.

ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ

Александр Яковлев тоже поминает тысячелетнюю историю. Правда, совсем в ином контексте, отличном от горделивой торжественности бородатых крутолобых мужей.

«Россия тысячу лет страдала от нищенства и бесправия», - пишет автор, охлаждая разум, не позволяя ему перегреваться былинной мифологией, сказами и сказками. «Преданья старины далекой» не оглушают автора, не ввергают его в состояние транса, национальная чванливость не точит душу. Не до романтических грез, когда стоишь на краю пропасти.

«Страшно подумать, что нам уготована судьба печенегов, скифов, инков, ацтеков и многих других, загадочно исчезнувших народов. Если не проведем объявленные реформы, то исчезнем и мы, но в отличие от древних совсем без загадок. Потому как мы еще рабы, но с претензиями,

которые в третьем тысячелетии никому не нужны, просто смешны. Потому как больны гордыней без достоинства. Занимаемся демагогией, а не построением дороги в человечество», - вот что тревожит «франкмасона, агента ЦРУ, предателя русского народа» из деревни Королево ярославской губернии.

Остров невезения в океане цивилизаций, тысяча лет дикарской жизни: колдуны, ведьмы, заговоры, басни и побасенки. Соловья ими не кормят, а русскому человеку, похоже, влаеть и в удовольствие.

И хмурится небо темными бровями, и доносит ветер из патриархальной домотканой глуши - православие, монархия, народность. И умиляются, идущие под хоругвями, творя благодатную молитву. В ушах колокольный звон, глаза на затылке.

Нет, - упрямится Яковлев и предлагает другую формулу - **свобода, достаток, законность**.

Формула для тех, кто презирает рабство. Да только рабство легко, а свобода трудна, как сказал Бердяев, а потому есть своя прелесть оставаться дикарем на острове невезения.

Из книги Александра Яковлева:

«Капризы и причуды истории! Вот она, российская «справедливость и логика»! Пьем беспробудно, но пьяниц не любим. Воруюм вот уже тысячу лет, но воров не уважаем. Лжем непрестанно, но лжецов презираем. Богатых ненавидим, но сами работать не хотим и обожаем жить за чужой счет. Мечтаем об изменениях, но отвергаем реформаторов. Наша мечта: изменить все, ничего не меняя».

Так неужели уготована нам судьба печенегов, скифов, инков, ацтеков? Неужели так и суждено нам затеряться в океане цивилизаций на острове невезения и бродить по нему гордыми и голожопыми с глазами на затылке? Доколе?

«Омертвили народ. До седьмого колена, а нынешнее колено – только четвертое. Так что Русь по-настоящему очеловечится, потеть нормально начнет лет эдак через 40-50, через три поколения», - к такому невеселому выводу приходит автор в конце своей книги.

Не хотелось бы с этим соглашаться, но как посмотришь на непримиримое российское общество, на раздор и душевный раздрай, на гражданское, но почти военное, противостояние, то нет утешения думам тревожным, и кажутся слова Александра Яковлева пророческими, и нет сил, не согласиться с его словами.

Со словами нет мочи не согласиться, но наперекор всему, вопреки всему, не соглашусь и не отрекусь от веры в разумное самообретение России, свободное от застарелого невежества. И закончу этот материал замечательными строками, которые Александр Яковлев – русский человек – неминуемо должен был произнести, и которые говорят о нем больше, чем все ярлыки, навешанные на него дикарями с острова невезения:

«Нет, не научились мы еще уважать ближнего своего, ибо не уважаем самих себя. Вот и едим друг друга, радостно причмокивая. Да и вся наша страна – страна Самопожирания. И все же хочется верить вслед за Пастернаком, что

...придет пора,
Силу подлости и злобы,
Одолеет дух добра».